

Войдя в кабинет, Жун Чэньцзюнь с величайшей осторожностью извлёк кроху из кармана.

Он даже не решался прикоснуться к нему пальцем: малыш был ростом едва ли с фалангу, и любое неловкое движение могло причинить ему серьёзную травму. Его терзало глубокое чувство вины, а лицо осунулось от тревоги.

— Даньданы, я не ушиб тебя? Прости, я совсем не хотел...

На самом деле И Даньданы вовсе не был столь хрупким. В конце концов, он ведь был монстром, разве его так просто покалечить? Лёгкий укол боли он даже не заметил.

Видя, как переживает его покровитель, малыш поспешил его успокоить:

— Всё хорошо, Жун-жун, не переживай!

Он затрепетал крошечными крылышками прямо перед его лицом, забавно разминая тонкие ручки и ножки, показывая, что цел и невредим. Жун Чэньцзюнь наконец облегчённо выдохнул.

Но стоило ему открыть рот, чтобы ответить, как в дверь кабинета снова постучали.

— Босс, у вас всё в порядке? — донёсся из-за двери обеспокоенный голос ассистента Тана.

Жун Чэньцзюнь с нескрываемым раздражением покосился на дверь. Впрочем, сердиться на Тан Баобао он не стал — понимал, что тот просто за него волнуется. Оттянув край кармана, он дождался, пока кроха заберётся обратно, и вышел в приёмную.

— Всё в норме. Пошли, спустимся и посмотрим, что там происходит.

Хотя «Чэньсин» изначально создавалась как скромное дизайнерское бюро, за четыре года успешного развития компания обзавелась собственным офисным зданием. Все семнадцать этажей этой ультрасовременной высотки принадлежали фирме Жун Чэньцзюня.

Строгий и одновременно изысканный фасад здания буквально дышал стилем, а просторный холл первого этажа, служивший визитной карточкой бренда, поражал безупречным минимализмом и утончённым дизайном.

И вот посреди этого великолепия и роскоши, совершенно не вписываясь в обстановку, на полу

каталась грязная немолодая женщина.

Зрелище было неопишимо нелепым и постыдным.

Впрочем, виновница этого балагана ни капли не смущалась. Она упорно игнорировала брезгливые взгляды прохожих и сотрудников — воистину, наглость человеческая не знает границ.

— Жун Чэньцзюнь! Ах ты тварь неблагодарная! Мы тебя, гадёныша, зубами выгрызали, на ноги ставили! А ты теперь зажрался и родных родителей знать не хочешь?! Будь ты проклят, чтоб тебя черти прибрали! А-а-а-а!..

Женщина истошно вопила, мешая брань со всхлипами. Голос её, хриплый и визгливый, напоминал надсадное утиное кряканье и невыносимо резал слух.

— Такую махину отгрохал, а мы с отцом с голодудохнуть должны?! По миру нас пустить решил?! Какое же у тебя чёрное сердце, будь ты проклят!

— Знай я, каким выродком ты вырастешь, ещё младенцем в корыте утопила бы! Поднялся на наших дрожжах, а теперь пинком под зад тех, кто тебя вырастил?! Да чтоб ты сдох, паршивец!

Голос её звучал отвратительно, а слова были ещё грязнее. Собравшиеся в холле сотрудники едва сдерживали гнев.

— Какая же она бесстыжая тварь! Неужели забыла, как измывалась над боссом, когда он был маленьким?

— Да плевать ей. Наглость — второе счастье. Увидела, что босс разбогател, и решила превратить его в пожизненный банкомат.

— Нашего босса так жалко... Я до сих пор не могу забыть те опубликованные три года назад фотографии. На шрамы смотреть страшно было! Как у них только рука поднялась на ребёнка?

— Официально ведь разорвали все связи, а она всё равно шляется сюда права качать. И босс терпит! Будь я на его месте, давно бы съездил ей по поганой роже.

— Тебе легко говорить. На босса сейчас все смотрят. Стоит ему хоть пальцем её тронуть, как диванные критики в интернете, которые верещали «долг за воспитание выше крови», сожрут его заживо.

— Да уж, опять эта долбаная морализаторская травля!

Шёпот змеился по холлу, разлетаясь ядовитыми слухами. В «Чэньсин» каждый знал, через какой ад пришлось пройти их боссу из-за этой семейки домашних тиранов. Громкое судебное разбирательство трёхлетней давности, завершившееся официальным разрывом отношений, в своё время наделало немало шума и потрясло всю общественность.

Двери лифта бесшумно разъехались. Жун Чэньцзюнь шагнул в холл. Лицо его напоминало маску из холодного фарфора. От него веяло таким леденящим, глухим гневом, что невольно хотелось отступить на шаг назад.

Его шаги были неторопливыми и размеренными. Прядь отросших волос небрежно спадала на лицо, прикрывая один глаз и пряча бушующие в глубине эмоции.

Он замер в пяти метрах от катающейся по полу женщины, словно брезговал подходить ближе, боясь замараться о дорожную грязь.

— Охрана, вызывайте полицию, — не глядя на беснующуюся бабу, бросил он начальнику смены.

Тот вытянулся во фронт:

— Будет сделано, господин Жун!

Жун Чэньцзюнь ожёг его ледяным взглядом.

Охранник тут же исправился:

— Сию минуту, босс!

Жун Чэньцзюнь терпеть не мог все эти пафосные обращения вроде «Господин Жун» или «господин президент». Слишком часто охочие до богатых кавалеров девицы использовали их как повод разыграть дешёвый спектакль из любовных романов: то «случайно» проливали на него кофе, то падали в его объятия, то картинно роняли слёзы, стараясь привлечь внимание «холодного босса». Простые слова «босс» звучали куда чище и избавляли от лишней головной боли.

Охранник достал рацию и телефон. Но стоило ему набрать номер экстренной службы, как валявшаяся на полу бабу змеей взвилась вверх и молниеносным, на удивление ловким движением выхватила трубку у него из рук.

— Какая ещё полиция?! Жить надоело, суки?! — рывкнула она. На её искажённом злобой лице не было ни единой слезинки.

Облаяв секьюрити, Сюй Цинь набросилась на Жун Чэньцзюня:

— Выродок неблагодарный! Так ты платишь тем, кто тебя на ноги поставил?! Глаза бы мои тебя не видели, тварь паршивая! Знала бы — на помойке подыхать оставила!

Жун Чэньцзюнь даже не шелохнулся. Воздух вокруг него казался густым и липким от ярости. Тяжёлая, почти осязаемая аура гнева накрыла холл, заставив сотрудников испуганно затаить дыхание.

Даже Сюй Цинь на мгновение осеклась. По её спине пробежал мороз, а руки покрылись гусиной кожей. Ей стало по-настоящему жутко. Однако она прекрасно понимала: если сейчас дать слабину и пойти на попятную, этот щенок не даст ей ни единого гроша.

За долгие годы она привыкла безбедно жить, высасывая из приёмного сына все соки, и возвращаться к прежней нищете не желала ни под каким видом. Вот только её ненаглядный обожаемый сыночек завёл себе девицу и спустил все пятьдесят тысяч юаней, выданных на этот месяц. До следующего перевода оставалась целая неделя, а в доме уже шаром покати.

Мысленно костеря ублюдка, который с каждым годом становился всё непреклоннее и опаснее, Сюй Цинь вновь завывала, брызжа слюной:

— Тварь неблагодарная! Где наши деньги?! Решил голодом уморить отца с матерью?! Чего молчишь, язык проглотил, сучёныш?!

Жун Чэньцзюнь молча наблюдал за её дешёвым спектаклем. Не говоря ни слова, он достал собственный телефон и набрал полицию.

В его голове роились сотни ядовитых, хлестких слов, способных растоптать эту хабалку на месте. Но он сдержался.

Он больше не желал тратить на них ни единого вздоха. Он давал им бесчисленное количество шансов исправиться, но они предпочли утопить его доброту в грязи. Что ж, сами напросились.

Пока шли гудки, он бросил охране:

— Скрутите её.

Начальник смены и двое дежурных тут же шагнули к Сюй Цинь. Осознав, что шутки кончились, баба взвизгнула и принялась отчаянно брыкаться, царапаться и кусаться, демонстрируя повадки настоящей базарной торговки.

— Здравствуйте, полиция? В офисе компании «Чэньсин» дебош. Нарушительница

заблокирована охраной. Адрес: улица Жунчэн, дом 68. Да, ждём наряд. Спасибо.

Сбросив вызов, Жун Чэньцзюнь холодно приказал:

— Передайте её наряду. Я уезжаю.

Он развернулся и зашагал к выходу. Сюй Цинь, извиваясь в руках дюжих охранников, продолжала плевать ядом и изрыгать проклятия, но он даже не замедлил шаг.

Никто из присутствующих не заметил, как в тот миг, когда он проходил мимо бьющейся в истерике женщины, его карман на мгновение слабо вспыхнул.

Сюй Цинь внезапно передёрнуло от странного, липкого озноба. Она отчаянно потянулась скрюченными пальцами к уходящему парню, но крепкая хватка охранников лишила её малейшей возможности сдвинуться с места. Холл вновь огласился её отборным матом.

На самом деле ей было страшно. Раньше, стоило ей устроить скандал, Жун Чэньцзюнь, опасаясь шумихи в прессе, лишь цедил сквозь зубы пару ласковых и швырял ей пачку купюр, точно бродячей собаке кость.

Но её это вполне устраивало! Ну поорала полчаса, подумаешь. Зато уходила с набитыми карманами. На эти деньги можно было месяцами не работать, да и муж дома становился шёлковым, не распускал руки.

Ради такой лёгкой наживы она была готова терпеть любой позор.

Но в этот раз всё пошло не по сценарию. Она изрыгала самую грязную ругань, а он даже ухом не повёл — просто вызвал полицию и ушёл.

Просто взял и ушёл! Но как он посмел?!

Неужели ему наплевать на репутацию фирмы?!

Неужели его больше не заботят котировки акций на бирже?!

Откуда в нём эта ледяная, непрошибаемая уверенность? Почему?!

Сотрудники решили, что скандалистка струсил перед полицией, но сама Сюй Цинь нутром чуяла: правила игры изменились. Произошло то, чего она не могла понять, но от чего её сердце сжималось в нехорошем предчувствии.

И её интуиция не подвела. Жун Чэньцзюнь действительно больше не собирался терпеть.

Раньше ему было плевать на их выходки — он относился к этому как к дешёвому балагану. Но сегодня всё изменилось. В его кармане сидел И Даньдань. Осознание того, что кроха стал невольным свидетелем этой грязной сцены, обжигало Жун Чэньцзюня удушающим стыдом.

«Только бы он не разочаровался во мне. Только бы не начал жалеть»

Пусть весь мир считает его жалким калекой с изломанным детством, но только не И Даньдань. Маленький яичный дух стал для него единственным чистым уголком в этом полном фальши мире, и пачкать его этой грязью Жун Чэньцзюнь не позволил бы никому.

Если хочешь покоя — вырви сорняк с корнем.

Эта семейка и так слишком долго испытывала его терпение.

Покидая компанию, Жун Чэньцзюнь сел за руль и, как и планировал, направился в сторону поместья Тяньчэн — побаловать малыша свежими морепродуктами.

В дороге И Даньдань осторожно выкарабкался из кармана, перелетел на рычаг коробки передач и уселся там, задрав крошечную головку. Он внимательно вглядывался в лицо своего великана-покровителя, силясь отыскать на нём хоть тень печали или затаённой боли.

Но лицо Жун Чэньцзюня оставалось безмятежным.

— Жун-жун, ты в порядке? — едва слышно, с робким сочувствием спросил кроха.

Машина плавно затормозила на красный свет. Жун Чэньцзюнь опустил взгляд на маленького друга и тепло, искренне улыбнулся.

— Всё хорошо, Даньдань. Тебе не о чем беспокоиться.

Но маленького духа было не обмануть. Он отчётливо улавливал исходящие от мужчины волны подавленной ярости, в которых сквозила тёмная, пугающая аура монстра.

— Жун-жун, не грусти. Я уже проучил эту злую тётку за тебя!

Жун Чэньцзюнь искренне удивился:

— Проучил? Когда это ты успел?

И Даньдань горделиво выпятил крохотную грудь:

— Я ведь не рассказывал тебе? Я владею особым колдовством. Могу навлечь на любого человека проклятие неудачи!

— Проклятие неудачи? — нахмурился Жун Чэньцзюнь, мгновенно посерьёзнев. — Что это за магия? Она тебе не навредит?

— Ни капельки! Все шлаки и вредные примеси в моём теле я могу собирать в воображаемое протухшее яйцо. А если запустить этим вонючим яйцом кому-нибудь прямо в макушку — этот человек сразу начнёт притягивать к себе все несчастья!

«Протухшее... яйцо?!»

От столь экстравагантного метода возмездия Жун Чэньцзюнь на мгновение потерял дар речи. Он ошеломлённо уставился на парящего перед ним кроху. Оцепенение спало, лишь когда вспыхнул зелёный сигнал светофора, а сзади нетерпеливо засигналили другие водители.

Плавнo тронув машину с места, он тихо рассмеялся:

— Ах ты, маленький проказник...

<http://bllate.org/book/18224/1749612>